

Татьяна
Муратова

Осень
приходит...

Татьяна Муратова
Осень приходит...
Серия «Книги о большой
и светлой любви», книга 2

<https://litres.ru/70503718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он - художник, потерявшийся в надуманных жизненных ориентирах, ей ещё нет восемнадцати, но жизненный ориентир определился. Судьба приготовила им много камней, за пазухой и под ногами, но молодым так хочется влюбиться... Мой первый роман, не судите строго. По реальным событиям.

Содержание

Глава	4
Часть 1	5
Татьяна Андреевна	6
Часть 2	32
Гриша	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Муратова

Осень приходит...

Глава

Часть 1

Татьяна Андреевна

1

Насыщенное ярким кобальтом небо к вечеру побледнело, на горизонте переходя к карминовому закату, и там же, по-верху, великий художник широкой малярной кистью мазал как попало темно-фиолетовые разводы. «Грише понравилось бы», – подумала Татьяна Андреевна, кутаясь в вязанную паутинкой шаль скорей машинально, нежели страшась комаров или озябнуть. Просто вспоминалось лучше в коко-не, и мечталось тоже лучше в состоянии личного сосредоточения. Женщина даже решила прогуляться вечерком, чтобы, не отвлекаясь на бытовую суету, подумать о сыне подруги по дорожке до тропинки в лес, в котором тонуло вечернее небо. Сначала мелькнула мысль к пруду выйти, но не пошла – от него тянуло сыростью, загадочностью, а Татьяна Андреевна не любила пруд, избегала тайн и сырости. Лупелины поселились в усадьбе, что числилась за деревней Сучково, когда Тоне исполнилось тринадцать лет, Глаше – пять, а Веронике – четыре годика, и, значит, на дворе стоял... Ах, да какой же тогда шёл год? Татьяна Андреевна не то чтобы собралась поностальгировать, занявшись подсчётом промелькнувших лет, – нет, как раз наоборот, она предпочитала без особой надобности не вспоминать былое: там достаточно набиралось

тяжёлого и страшного, ведь во времена минувшие она состояла женой боевого офицера. Слава богу, теперь в отставке. Как шутили в узком семейном кругу, «до генерала не дослужился». Ушёл в отставку по состоянию здоровья. Это – официальная версия. В какой-то мере так оно и было... Получается, они перебрались в усадьбу двенадцать лет назад. Весь бум девяностых годов ещё маячил впереди... Глушь невероятная, да оно и лучше. Большой старый дом из камня в два этажа когда-то принадлежал казакам, долгое время стоял нежилой, зарос бурьяном, облупился, отсырел. Но место чудесное: пригорок, участок в сто соток. До ближайшего города от станции – сорок минут на автобусе, да до станции ещё добраться нужно. Ничего, жене военного офицера не привыкать. Обсушились, обустроились, дом отремонтировали. Сад вокруг, пруд, лес – места такие, что от красоты дух захватывает. Муж занялся разведением пчёл, чуть погодя – молочным животноводством заинтересовался, потом постепенно в сельское хозяйство углубился. Настолько удачно – он ведь у неё на все руки мастер и голова золотая, – что помаленьку и прибыль появилась. Теперь Лупелин – владелец ялинского агрокомплекса. Когда переезжали, привезли с собой родителей – и его, и её. Тогда ещё все живы были. За прошедшие двенадцать лет остался с ними лишь Макар Ильич... А подсчитывать годы Татьяна Андреевна начала, чтобы понять, сколько же лет назад Гриша Савов гостил в Сучково. Случилось подобное всего единожды. В тот год,

когда Тимофей Макарович ездил в Москву на встречу своих боевых товарищей, а она осталась, потому что дети, хозяйство, огород, у Вероники бронхит. Младшенькой тогда восемь лет исполнилось, а Тоне, получается, семнадцать, и Грише семнадцать – они ведь ровесники. Татьяна Андреевна глубоко вздохнула. Все думы о Грише болезненны. Они с его матерью с детства подруги, одноклассницы, и Костя, её будущий муж, учился с ними в одной школе, на год старше. Вместе выходили замуж, вместе забеременели, Тимофей тогда ещё не закончил военную академию. Рожали тоже почти одновременно, только в разных городах. Таня, помнится, хотела стать крёстной Грише, но не смогла, не успела приехать, сама на тот момент Тоню рожала. А потом и вовсе началась жизнь неоседлая. Но на лето, когда карапузикам чуть больше полутора лет исполнилось, выбралась к родителям в Н. Гриша тогда показался ей настолько очаровательным мальчиком, что женщина воскликнула: «Тоже хочу сыночка!», – а её подруга посмеивалась: «Хочу дочку!» Тоня не разговаривала составными фразами в это время, но выглядела румяной пухляшкой, которую очень нравилось мамочкам тискать. Гриша же кое-что говорил, например: «Мама», – и показывал на родительницу, а потом тыкал пальчиком в её подругу: «Мама Таня». Расстались осенью, решив встретиться следующим летом. Не получилось. И ещё через год не получилось. Получилось увидеться на Рождество – не важно, в каком году, Советский Союз пока существовал, будущее

казалось радостным. Дети пошли в школу: Тоня – крупная здоровая девочка, очень весёлая и общительная, а Гриша – тоненький задумчивый мальчик, до удивления похожий на мать, а оттого такой близкий и родной. Уже тогда он любил прятаться в уголок с альбомом и красками и рисовал, рисовал, рисовал, пока мать не вытаскивала его оттуда, всего раз-малёванного, всплёскивая руками: «Ах, новая футболка!» Шустрая Тоня не давала другу рисовать, заставляла играть и бегать, Гриша её безропотно слушался, чем обе женщины довольствовались. После Рождества мама Таня с дочуркой уехали. Ещё через год родилась Глаша. Последний раз подруги виделись, когда за ребятами числилось по девять лет. Татьяна Андреевна с мужем и детьми проезжали через N к новому месту назначения. Встретились в городском парке, вместе погуляли какие-то два часа – вот и всё. Подруга носила ребёнка и шутила: «Может, девочка?» Ещё через пять месяцев она умерла от сердечного приступа, так и не родив, Гриша поступил в специальную художественную школу и переехал жить в интернат. Его отец уехал в Германию в командировку – как редкий специалист, – железный занавес к тому времени дрогнул – и там женился, а через два года погиб при невыясненных обстоятельствах. Опекун взял на себя дядя – Татьяна Андреевна хорошо его помнила со студенческих лет как довольно легкомысленного молодого человека, предающегося удовольствиям праздного образа жизни. Когда Лупелины поселились в усадьбе, женщина съездила к

мальчику, звала его жить к себе, но тот отказался – предстояло учиться. Они стали изредка (Гриша не любил эпистолярный жанр) переписываться, ещё реже – созваниваться. Татьяна Андреевна звала юного художника на лето погостить, но он приехал только в семнадцать лет, будучи в выпускном классе, и действительно провёл у них два месяца. Но это было так давно! Сейчас им с Тоней по двадцать пять, Тоня давно замужем и живёт в N, у неё двое детишек. Глаша скоро замуж выйдет – в Ялинске женихов хватает. А Гриша закончил академию художеств, сейчас снимает квартиру с такими же неустроенными друзьями, как сам, там выполняет заказы, пишет пейзажи, кое-как существует. Случилось, у Татьяны Андреевны уж очень разболелось за него сердце, да ещё вдобавок соскучилась по дочери и внукам, тогда ездила в N, навестила Гришу, однако вернулась в слезах и с ещё большей тяжестью на сердце. Трёхкомнатная квартира из старого фонда: в большой – мастерская, в двух других – кровати, раскладушки. Всё время народ: юноши, девушки вперемешку, все курят – дышать нечем. Какая-то девица картошку жарит, потом едят, пиво пьют. Спросила про дядю – плечами пожимает, года два не видел – совершеннолетний, опеку сняли. Просила приезжать – смеётся, мол, мне и здесь хорошо. Это происходило полтора года назад. Дома начала молиться – да-да, только тогда, а раньше лишь записочки подавала – подолгу и со слезами, чтобы приехал к ним пожить. Стали звонить – первые мобильники к сему времени появились

– когда ответит, когда нет. Наконец, сегодня сам звякнул, а то всё больше эсэмэсками общался, поздравлял с Пасхой да с Рождеством. «Ну что, мама Таня, примете меня, отпетого разбойника на месяцок-другой этюды пописать? Я помню, виды у вас весьма живописные!» Услышал Господь! «Приезжай, Гриша, мы всей семьёй будем рады тебе. На днях Тоня со своими детьми и мужем, а затем Вероника доберутся – вам веселее станется!»

2

К полудню субботы Гриша ожидаемо должен приехать. Встречать его собрались всем скопом. Сам хозяин – Лупелин Тимофей Макарович, ещё довольно крепкий мужчина, бывший военный, теперь преуспевающий бизнесмен, известный в городе Ялинске человек, сделавший ставку на сельское хозяйство, пчёл и молоко. Его отец – дед Макар, тоже бывший военный, а сейчас пенсионер и любитель-цветовод. Татьяна Андреевна, к своим сорока шести годам сохранившая ясный, приветливый взор и длинную, правда, вполовину седую и поредевшую косу. Старшая дочь – Антонина, всё такая же улыбчивая и румяная, как в детстве, но слегка располневшая, со своими детьми: сыном пяти лет и дочкой на год младше, и супругом. Муж привозил каждое лето их на пару месяцев, а сам уезжал в город работать. Впрочем, Гриша иногда навещал их семью в N, приходил помыться и покушать; один раз и Тоня посетила его на квартире – мать очень просила, – но подробностями не поделилась, просто:

«Жив, здоров, работает». Средняя дочь – Глафира, девица семнадцати лет, внешне ничем не примечательная, но любимая родителями за доброту и ласку, в последние годы единственная из дочерей жила с ними, так как младшая дочь Вероника, ученица далёкого хореографического училища, гостила лишь на каникулах. Последняя метила в красавицы в свои неполные шестнадцать, но уже казалась сама себе на уме, не внушая симпатий окружающим высокомерием и гордостью.

Поезд прибыл в Ялинск в 11:05. Встречать послали Петровича на повозке. Повозка сия слыла притчей во языцех для окрестностей и гордостью хозяина, приверженца всего экологически чистого, здорового, ретрозначимого, предпочитавшего машине лошадь с коляской – фаэтоном для нечастых передвижений, и снискавшего себе популярность такой эпатажностью. Петровича взяли на работу возницей и специалистом по хозяйственным делам. Жили они с женой одиноко в соседней деревушке Малино в пяти километрах от усадьбы и были просто незаменимы в быту Лупелиных.

Татьяна Андреевна очень волновалась, ожидая приезда Гриши, она в последние дни даже плохо спала, обдумывая без конца, как бы лучше устроить или, грубо говоря, сфабриковать ситуацию, дабы юноша остался у них на «подольше». А потом ей вдруг начинало казаться, что Савов передумает, не приедет, и от таких мыслей тоже нервничала. Ходила и всех уговаривала отнестись к сироте ласково, снисхо-

дительно. Муж помалкивал добродушно, он прекрасно знал о слабости супруги к вышеупомянутому оболтусу и обещал помочь всем, чем сможет, дабы тот не лишился возможности воспользоваться оказанным ему вниманием. Вероника на все просьбы матери в ответ только хмыкала, делая вид, что ей неприятны хлопоты подобного рода. Гришу она помнила смутно как долговязого подростка, дружного со старшей сестрой, а их с Глашей, пожалуй, обижающего. Но теперь ей шестнадцать, она грациозна и, говорят, весьма красива – он должен поразиться, ведь художники любят услаждающий взор образ. Вероника надела джинсы «влип» и тонкую батистовую блузку, подчёркивающие элегантные преимущества её фигуры и вкуса в сравнении с сестриными примитивностями.

Глаша тоже помнила Гришу, и у неё имелись причины покрываться румянцем, но прошлое глубоко и далеко таилось внутри, а пока следовало проявить должное гостеприимство. Тоня просто ждала друга детства и искренне радовалась, что тот выбрался из «гнилой» квартиры от своих бесполезных, по её мнению, друзей.

Таким образом, когда кто-то крикнул: «Приехал!», – все, не исключая двух малышек, бросились на веранду и столпились в ожидании, лишь неугомонная мать выбежала на улицу. Вскоре появились трое: впереди – сияющая Татьяна Андреевна, за ней – нагруженный холстами, подрамниками и этюдником молодой человек, позади – Петрович, нагружен-

ный тем, что не вместились в руки прибывшего художника. На пороге гость и сопровождающие остановились, а так как с некоторыми не виделись очень давно, то почти заново стали знакомиться. Сия заминка, впрочем, не касалась детей, наскочивших на мужчину с криками: «Дядя Гриша приехал! А мы тебя уже три года ждём! Пойдём пить чай, бабушки пирогов напекли!» Детей оттащили, и немного смущённый молодой человек для начала поздоровался с хозяином, потом обнялся с Антониной и, наконец, обратил свой взор на младших барышень.

– Это, я полагаю, Вероника и Глафира?.. Ну что, Пушистик, узнаёшь меня?

Последняя фраза адресовалась средней сестре и вогнала ту в краску, ибо девушка абсолютно не ожидала, что он помнит, как называл её восемь лет тому назад, и что она-то как раз помнит великолепно.

Прошли в комнату. Стол уже стоял накрытым. Решили, что надо сразу пообедать и дать юноше отдохнуть, осмотреться. Помолились и сели. Гриша, правда, заявил, что он робеет от такого количества еды, но, когда хозяин предложил выпить рюмочку за встречу, не отказался. За столом немного поговорили о городе, о дороге, о творческих планах.

В планах – интенсивно писать этюды, что освежает взгляд, учит быстро работать и видеть свет. Но гость не хочет обременять хозяев заботой о своей персоне. «Вы же понимаете, Коко-Таня, я человек не режимный: пишу по ночам, ко мне

приходят позировать, кроме того, всё пачкаю, пахнет красками и скипидаром. Такому неподобающему для подросткового поколения примеру лучше снять хибарку в деревне». Нет, ни в коем случае! Если он стесняется жить с ними в одном доме, у мужа есть отапливаемая печью мастерская прямо напротив, можно оттуда вынести барахло, превратив в жилое помещение и художественную подсобку одновременно. Решили после обеда оценить объём работ. Гриша ел хорошо, чем порадовал маму Таню, и очень хвалил пироги. Женщина нашла, что он повзрослел – в семнадцать совсем мальчик был – и уже не так похож на свою мать, хотя глаза остались те же, но что слишком худ и бледен.

Когда у гостей и хозяев в животах приятно потяжелело, а уничтожившие десерт дети от возбуждения расшалились, все пошли смотреть мастерскую и почти сразу же занялись выносом хлама в сарай. В этом деревянном довольно просторном прямоугольном помещении не имелось окон, но Гришу подобный факт не обескуражил. Стояло лето, днём он собирался писать на природе, а по вечерам в мастерской можно работать не с цветом, освещение позволяло. Для проветривания достаточно держать открытыми двери – и «тьфу» на комаров и мух. Почистили и протопили печь. Юноша сам помыл полы. Дети, желая получить как можно больше впечатлений, вертелись под ногами. Им удалось один раз опрокинуть ведро с водой, разбить старую керосиновую лампу, найти санки с отломанной спинкой, по разу прока-

титься у дяди на спине и немного на старом диване. Мужчины потащили было кровать, да молодой человек воспротивился – слишком шикарно и много места занимает, лучше раскладушку. Сошлись на старом диване, явленном дневному свету с тёмного чердака. Сам герой дня перенёс все свои творческие инструменты, материалы, вещи, холсты. Повесили рукомойник, Глаша сбегала за иконой и затеплила лампаду. Кажется, теперь можно жить. За всеми хлопотами прошло не менее трёх-четырёх часов, и Лупелиным настала пора собираться на вечернее богослужение. Не так далеко от Сучково находился недавно восстановленный мужской монастырь, а в Ялинске – храм, Петрович исправно возил то туда, то туда семейство на праздники и воскресную литургию. Гриша отказался присоединиться, сославшись на усталость с дороги. Он действительно устал. Точнее, был несколько огорошен избытком зелени, чистого воздуха и радушного приёма. Затхлая атмосфера города словно вытекала тонкой струйкой из организма, наполняющегося пьянящим кислородом, от которого с непривычки кружилась голова и хотелось спать. Новое жилище Грише понравилось. Ему претило селиться в доме на правах гостя, тем самым волновать своим постоянным присутствием и без того растревоженную Татьяну Андреевну. А тут юноша вроде и рядом с ними, и отдельно. Сколько раньше не зазывала его мама Таня в Сучково, он долго не решался приехать. Гордость не позволяла принимать благодаяния. Теперь же денег немного заработал

для независимости, да и спеси поубавилось.

3

Гриша приехал перед Троицей. Лето в тот год началось рано, к празднику всё вокруг пело, звенело, гудело. Берёзки выпустили нежную зелень, жёлтыми головками одуванчиков усеялось травянистое пространство, избежавшее культивации. Небо синело целыми днями до использования всего кобальта голубого, а бывало даже ультрамарина на палитре. Казалось, что здесь, в Ялинском районе, небесная канцелярия захотела напомнить людям о немифичности библейского рая. На Троицу Гриша решился поехать в храм, и, хотя во время службы пару раз выходил на улицу «подышать», не возроптал, даже постоял коллективно на коленях.

Через несколько дней муж Тони Савелий – солидный, но весьма добродушный мужчина лет тридцати – уехал в N, где его ждали на работе, и жизнь в усадьбе пошла размеренным чередом. Если не считать Тимофея Макаровича, рано утром отбывавшего по делам, и его супруги, провожающей благоверного со всей заботой христианского благочестия, все остальные просыпались по рабочим меркам поздно. Чай и лёгкий завтрак Любовь Дмитриевна, жена Петровича, подавала к десяти часам. Впрочем, Глаша вставала гораздо раньше, почти вместе с матерью, но любила летнюю неторопливость: долго умываться, причёсываться, душевно помолиться, приготовить платье, иногда книжку до завтрака почитать. После девяти начинали носиться по дому дети, а вместе с ними просыпалось и оживало всё. Даже дед Макар спускался. Когда наставали тёплые дни, он любил сидеть в саду в тенёчке или ухаживать за цветами, которых всегда разводил к лету невероятное множество разных сортов. Дед Макар прошёл всю войну офицером, молитвами своих родителей остался жив и на склоне лет нашёл в себе совсем не военное призвание – выращивать левкой, розы, лилии, пионы, флоксы, гортензии и гладиолусы. Завтракали не спеша, порой женщины сразу начинали возиться с выпечкой – иногда Тоня стряпает, но чаще – мама. Глаша готовить не умела и не стремилась – её как-то не приучили к этому, хотя и не запрещали, но на кухне «генералила» Любовь Дмитриевна, она знала толк в

постных и скоромных блюдах, все оставались сыты и довольны. Гриша к завтраку никогда не приходил, поэтому остальные чувствовали себя в узком семейном кругу. Впрочем, Вероника любила поспать до полудня, после чай пила на кухне в одиночестве. Дальше шли прогулки, огород, на котором все считали себя обязанными поработать до пятнадцати часов, когда подавали большой сытный обед. На трапезу часто приходил Гриша – сам, или его звали, когда он работал у себя, забывая про время. Потом детей и дедушку укладывали спать – тогда в усадьбе всё замолкало – наступал час-другой отдыха. К вечеру желающие пили кофе-какао да шли гулять за пределы усадьбы – в бор, на пруд или в город – до прохлады угасающего дня, до скромного ужина, который подавали в восемь вечера в летнее время на веранду. К Грише постепенно привыкли, и Татьяна Андреевна немного успокоилась – он не стремился пока уехать, даже не чуждался общения с её семьёй: обедал с ними, иногда ужинал и порой присоединялся к прогулочной компании. Особенно Гришу любили дети: он был добр к ним, прощал шалости, играл, катал на лодке, собирал землянику и мог почитать книжку. Глаша вспоминала, что в первый приезд юноши в усадьбу он, конечно, больше общался с Тоней и её друзьями-ровесниками из деревни, но их, девчонок – а ей шёл тогда десятый год, Веронике и того меньше, – развлекал: на той же лодке катал, приносил лукошками лесную малину, орехи. Глаше иногда казалось, что молодой человек не изменился с тех пор, ка-

ким она его запомнила – только вытянулся да в плечах раздался, а взгляд тот же, и улыбка.

Как-то раз, примерно недели две после приезда юноши, он, вернувшись с законченным пейзажем, писанным за три утра, направился к Лупелиным пообедать. На веранде столкнулся с незнакомым молодым человеком – пониже его ростом, плотного телосложения, с приглаженными волосами, одетого в элегантную тройку. Парадный вид гостя удивил Гришу. Провожала его мама Таня, она же их представила друг другу. Виталий Егорович, однако, был, видимо, расстроен; слегка поклонившись, быстро произнёс: «Очень приятно. Всего доброго, до скорой встречи», – и вышел. Татьяна Андреевна с Гришей вернулись в гостиную. Вся семья, включая Тимофея Макаровича, находилась в сборе, но в смущённом молчании. Помолились, сели за стол. Гриша ничего не спрашивал. Отец невозмутимо вооружился вилкой и ножом для разделки аппетитно выглядевшего куска рыбы в кляре, Вероника поджала губы, Тоня улыбалась, дети вертелись, мама Таня и Глаша покраснелись, как помидоры. Оставаться в неведении относительно истинного положения дел стало невыносимо, Гриша не выдержал:

– У вас что-то случилось?

Тоня фыркнула, Глаша из красной сделалась пунцовой.

– Виталька свататься приходил, – услужливо отозвалась Вероника.

– К кому? – удивился Гриша.

– Как к кому? К Глаше, конечно.

Гриша перевёл вопрошающий взгляд на девушку. Так как дальше краснеть некуда, та сначала прикрыла лицо ладонью, потом соскочила и со словами: «Извините, я не могу...» – убежала в свою комнату.

– Но ведь ей ещё восемнадцать нет, – неуверенно произнёс Гриша.

– Вот именно. Мы так и объяснили Виталию Егоровичу, – постаралась спокойно ответить Татьяна Андреевна. – Ей ещё рано об этом думать, всего год в медучилище.

– А он сказал, что подождёт и через год придёт, только бы Глафира Тимофеевна никому другому обещания не давала, – это уже Тоня добавила.

– А кто он, этот Виталий?

– Виталий Егорович – наш сосед по усадьбам. Они живут в сторону от Сучково, ближе к Грачкино. У его отца большая свиноферма, и они намерены расширяться.

– Перспективный жених, – хихикнула Вероника.

– Серьёзный, – перебила её мама, – очень серьёзный молодой человек, и намерения серьёзные. Давно ухаживает за Глафирой – не стоит пренебрегать подобным знакомством. Я бы успокоилась за дочь, если бы этот брак состоялся.

Во время вышеупомянутого разговора Тимофей Макарович многозначительно молчал. Замолчал и Гриша. Дальше обед не нарушался впечатлениями о сватовстве, если не считать того, что Татьяна Андреевна два раза вставала, подхо-

дила к двери Глашиной комнаты, поднимала руку, чтобы постучать, вздохнув, опускала и возвращалась на своё место.

4

Когда Антонина выходила замуж – между прочим, за человека хоть и молодого, но умеющего зарабатывать (ей тогда исполнилось девятнадцать, ему лет на пять больше) – отец имел разговор со своими дочерьми, во время которого во избежание возможных споров объявил свою волю: имеющуюся у него на данный момент наличность, движимую и недвижимую, он поделит следующим образом. Одну из трёх равных частей отдаёт за Антониной, другие две будут ждать замужества младших. Дом и квартира родителей также шли в наследство двум дочерям. Усадьба в Сучково останется за той, которая согласится в ней жить. Антонина с семьёй решили обосноваться в N, где у мужа много работы; они приобрели в престижном районе приличную квартиру, она могла позволить себе не работать, заниматься чадушками. Два раза в год, на лето и Рождество, Ильина с детьми гостила в усадьбе, изредка к ним присоединялся отец семейства. Если Глафира выйдет замуж за Виталия, Лупелины будут вынуждены расстаться и с ней, а девушка – с усадьбой, ведь у Хамченко своя ферма, свой хороший дом, им требуется хозяйка, работница. Татьяне Андреевне и Тимофею Макаровичу жаль отдавать любимицу, хотя партия видится для неё выгодной, будущее безбедным. Глаша любила усадьбу, любила деревню, заботилась о родителях, старалась приветливо общаться со

всеми окружающими. Вероника же отличалась противоположными качествами души. Обещая стать в скором времени видной невестой, она унаследовала от матери гармоничную внешность, от отца – практическую жилку, руководствовалась расчётом: «А что мне это даст?» Деревню не любила, брезговала огородом и скотинкой, на родителей смотрела с чувством досады (даже не знают, кто «Баядерку» поставил) и можно ожидать, что, получи она в наследство усадьбу, поскорее сбыла бы её с рук. Впрочем, родители, как всегда, надеялись, что Господь управит и младшая дочь с возрастом изменится в лучшую сторону.

Виталий заметил Глашу ещё два года назад, когда они семьёй приехали с капиталцем в сии края. Капиталец, правда, шушукаются, был нажит ваучерами, но тем не менее намерения у Хамченко предполагались благие. Для фермеров в то время открылась благоприятная ниша, и они довольно успешно развернули своё дело. Юноша не блистал умом и привлекательной внешностью, спокойно отучился в школе на тройки-четвёрки, имел склонность к округлости в области брюшных мышц и мясистый нос, но был, видимо, практичен (в смысле, не витал в облаках), разумен и добросердечен. Родители настоятельно советовали ему жениться и желательно на молодой (чтобы не дурила) да трудолюбивой.

Виталик огляделся вокруг и увидел Глашу. Тоже не красавица, скромная и в меру весёлая. Младше на шесть лет. То, что надо! Он начал ухаживать. Глаша не поняла. Поня-

ли родители. Татьяна Андреевна попыталась объяснить дочери, что происходит, но та понимать отказывалась: ведь она школьница, и вообще... Что означает «вообще», Глаша сама затруднялась объяснить. Для этого следовало мысленно вернуться назад в то время, когда её девятилетнее детство сияло всеми красками беззаботной жизни, когда у них в Сучково гостевал Гриша Савов, ученик школы при академии художеств, друг Тони, худой нескладный парнишка, выглядевший гораздо младше своих семнадцати лет, с лучистыми глазами и доброй улыбкой. Тогда он жил в доме, все дни пропадал с Тоней и друзьями в лесу, на пруду, на дальнем озере, в деревне, на рыбалке, в походах, на мопедах, на лошадях и даже на местных танцульках. Иногда брали их с Вероникой, иногда её одну (потому что Вероника много плакала). Однажды вдвоём с Гришей они ждали на берегу озера всю компанию. «Хочешь, прокачу?» – кивнул он на лодку. Лодка принадлежала Тимуру, местному, и тот не всем разрешал кататься, но Грише разрешал. «Хочу». Мальчик посадил её в лодку, сам взялся за вёсла, и они поплыли. Жизнь показалась яркой и радостной. Они о чём-то говорили: помнится, он спрашивал, почему она вяжет, а не рисует, и называл Пушистиком – волосы от природы густые стояли шариком на голове, так как мама их неудачно подстригла тем летом. Когда приставали к берегу, Гриша перенёс её на сухое место, потому что она обулась в сандалии, и, неожиданно поцеловав в губы, полушутя добавил: «Вырастешь – же-

нююсь». Таков получился её первый и единственный пока поцелуй. Конечно, Глаша не думала, что со стороны юноши – это серьёзно, скорее всего, наоборот, простая насмешка над маленькой глупенькой девчонкой с доверчивым выражением лица, но... поцелуй не забыла. Откуда-то в такой незрелой личности столбилось убеждение, что поцелуями не шутят. Все эти годы она слушала мамины сетования на неудачную жизнь сына любимой подруги и в подобных пересудах испытывала своего рода необходимость. Она не надеялась на то, что Гриша на ней когда-нибудь действительно женится, но трепетно хранила воспоминание. Единственная во всём мире глупышка. От мамы слышала, что у Гриши есть девушка в городе – «девица» – она видела её на квартире – всё равно. Возможно, с годами это чувство пройдёт. Возможно, ей просто ещё не встретился тот единственный, дорогой и любимый, самый настоящий, поэтому пока в сердце жил тот полудетский поцелуй, пока теплился её секрет, её душевное сокровище.

5

Лето входило в зенит. Воздух в Сучково пьянил. Пахло всё, что цвело и не цвело, а летало такое множество насекомых и птиц, что даже старожилы не всех «в лицо» знали. Гриша, Вероника, Тоня и её дети порозовели, посвежели, заблестели глазками. Здоровый свежий воздух и деревенское питание: в пост – овощи и зелень, фрукты, ягоды, грибы и рыба, в скоромные дни – молоко, яйца, фермерское мясо –

делали своё дело благое. Все загорели. Малыши бегали в трусах да панамках и вскоре стали белобрысыми «краснокожими». С ними все понемногу играли, гуляли – Тоня, Глаша, Гриша, бабушка. Особенно полюбилось детям времяпрепровождение с юношей – они перевоплощались в разбойников, индейцев, капитана Немо и Человека-паука. Гриша возился с ними добровольно, и дети жалели лишь о том, что почти ежедневно «дядя» уходил на этюды и не мог проводить с ними все дни напролёт, да в свою мастерскую их не пускал, только на пороге постоять – а ведь так интересно потрогать и поковырять! Вероника пряталась от солнца – ей в хореографическое училище ни к чему возвращаться «негритоской», так и в танец могли не поставить. Но от лишних килограммов не удавалось уберечься, уж очень вкусно готовили мама с Тоней. Буквально за месяц окреп и Гриша – от рубки дров, походов в лес и физической работы на огороде, так что Татьяна Андреевна потихоньку от него в кругу семьи приговаривала: «А наш-то какой стал: загорел, поправился – смотреть приятно!»

Хоть и хорошо летом в усадьбе, родители решили послать Глашу на месяцок на море, в Тамань, где жила её двоюродная тётя Рита – они исходили из того, что пора ребёнку мир поглядеть. Её проводили в двадцатых числах июля. Мужа Антонины ждали к празднику Целителя Пантелеимона, все ходили на источник в этот день, потом он гостил неделю и увозил своих в N – соскучился, и в квартире бардак. Вероника

оставалась до конца лета. Гриша о своих планах пока молчал. У него появилось новое увлечение, он, к удивлению окружающих, стал помогать Макару Ильичу возиться с цветами. Старик пыхтел желанием, но силы его на девятом десятке иссякли, и здоровье пошатнулось, а так как характер его никогда не отличался покладистостью – только покойная жена умела с ним управляться, – то и угодить деду было непросто; с Гришей же они нашли общий язык, вместе сажали, ухаживали – домашние только руками разводили в недоумении.

Где-то в начале августа, когда Глашу ещё не ожидали, а Савелия уже ожидали, Татьяна Андреевна позвала Гришу попить чай вдвоём. Старшая дочь с детьми решили прибраться – обносились за лето, – и Петрович повёз их в город.

– Честно, Гришаня, скажи: хорошо тебе у нас?

– Хорошо, мама Таня, спасибо за приют, за заботу.

– Оставайся на осень, оставайся на зиму. Мне спокойнее, когда ты рядом.

– Нахлебником? Не могу, и так уж задарма два месяца хлеб ем.

Татьяна Андреевна улыбнулась:

– Не так уж и много съедаешь, раз в день трапезничаешь. Глупости. Сколько помогаешь: дети счастливы, дед Макар при деле, дрова порублены. Но суть не в этом. Ты же друг нашей семьи. Я очень хочу, чтобы друг остался. Даже если станешь зарабатывать, нам ничего не нужно. Мы не бедны, а

вот ты – сирота. Я честно, Гриша, говорю – мне спокойнее, когда все рядом. Как я извелась, пока ты жил в N на этой жуткой квартире! Лёгкие деньги, выпивка, девчонки – правда, Гриш?

– Вы всё знаете, мам Тань...

– Я ведь так люблю твою маму, и словно чувствую, как она за тебя переживает и молится...

Помолчали.

– Ведь я, мама Таня, нелёгкий человек. Может, когда-то трепетал душой, да жизнь внесла свои коррективы, и теперь это моя стезя, я привык. Даже нравятся: сам по себе, что хочу, то ворочу. А на самом дне бывает весело... отвечать не перед кем, жизнь холостая и без родителей. Ведь не женился, да и не женюсь, пожалуй, хотя было на ком – вы в курсе, лицезрели Верусю. Я потерял чистоту души и помыслов, а совесть не заела. Боюсь, здесь, рядом, вам ещё тяжелее видеть в кого я превратился.

– Нет-нет, Гриша, ты ошибаешься...

– Неужели оставите меня, такого?

– Думаешь, откажусь? – вызвав на откровенность своего любимца, Татьяна Андреевна тоже настроилась на полную искренность. – Если ты уедешь, будет хуже. Рисовать и у нас можно; думаю, реально что-то продается – с Тимофеем Макарычем посоветоваться надо. А насчёт твоей свободной холостой жизни – что ж, я тебе не судья и не мать, хоть ты меня мамой Таней называешь. Указывать не берусь – живи, как

привык. Но дочек моих люби по-братски. С Антониной всё ясно – она составила своё счастье частного человека, а Глаша с Вероникой – девчонки совсем, ты же парнишка видный, льнут они к тебе. Не подведи, им женихи нужны надёжные – при том, чем раньше, тем лучше. У Глаши Виталик есть, а не он, так другого найдём, вон у Владислава Семёновича четыре кавалера подрастают. С Вероникой сложнее, она с норовом и всё в город, наивная, зрит – это я виновата, сглупила, повезла её в хореографическое училище поступать – сама ведь в детстве мечтала балериной стать. Но ничего, бог даст, выдадим удачно замуж и её. Если определишься им братом – оставайся, не укорю ни в чём другом.

Забыв про чай, Гриша сидел, потупив взор, и лишь изредка бросал пристально-испытующий взгляд на Татьяну Андреевну.

– Это то, чем я могу отблагодарить вас с Тимофеем Макаровичем за приют, за заботу? Что ж, разумно и естественно. Я действительно испытываю, пожалуй, лучшие чувства, которые мне доступны, ко всем вашим дочуркам. Пусть живут спокойно и ищут достойных женихов. Я пока останусь. Попробую найти рынок сбыта в Ялинске, а если не повезёт, отправлюсь в N – там моим работам всегда находится место. Впрочем, могу кирпичи таскать – самая верная вещь.

– И это говорит художник!

– Вы зря думаете обо мне так благородно. Я не ищу божьего промысла о своей судьбе. И нищенское существова-

ние, и многомесячное отсутствие заказов очень спускают с небес, снижают амбиции любого рода. Уж что-что, а это я к своим двадцати пяти годам хорошо усвоил...

Часть 2

Гриша

6

На самом деле положение у Гриши сложилось отчаянное. Захоти Савов сейчас уехать, так не на что. Заработав в N кое-какие деньги, он за лето практически всё спустил. На питание молодой человек тратил мало (так, чай, кофе, батон, колбаса), в усадьбе всегда щедрились его накормить, и, не будучи привередливым, он мог с осторожной расчётливостью протянуть зиму. Но для работы на природе возникла необходимость приобрести крепкую надёжную одежду и обувь, а для длительных этюдов, походов в лес – лёгкую и тёплую экипировку. Пришлось ездить за художественными материалами: красками, разбавителями, лаками, заказывать рамы для работ – ведь их надо продавать, – да холстов с подрамниками пришлось докупать. Заказов, естественно, не было, и настала пора серьёзно подумать о рынке сбыта. Несколько хороших картин он оставил в N Максиму, содержащему престижную лавку художника в центре города – тот обычно брал у Гриши товар охотно, пейзажи шустро расходились, да и работы бытового жанра тоже, но ехать сейчас в N счи-

талось несвоевременным. Будучи в Ялинске, Гриша вёл разведку. Оказалось, магазина или лавки художника в городе нет! Художники типа числились, но занимались кто чем, изворачивались соразмерно обстоятельствам. Имелась частная гостиница, при которой выставлялись некоторые живописцы: покровительницей, меценатом и творческой комиссией в одном лице являлась хозяйка сего заведения – некая Аделаида Марковна. С ней и решил встретиться Гриша. Он взял с собой четыре пейзажа, сел в автобус и поехал в Ялинск к девятнадцати часам, так как именно в это время, сказали, хозяйку легче застать в гостинице: «Спросите в баре примерно в семь-восемь вечера». Гостиница Грише понравилась: двухэтажное современное ухоженное здание, обсаженное цветами и кустарником. Уютный холл, по стенам – несколько пейзажей с видами местных достопримечательностей, выставочный зал с роялем и живописью средней руки. Во всём чувствовался вкус (правда, женский) и даже компетентность. Всё можно осмотреть, и вход в бар в подвале тоже свободный. Гриша спустился вниз, спросил у бармена Аделаиду Марковну. Тот поинтересовался зачем. Гриша объяснил. Понимающе кивнув, бармен оставил стойку коллеге, велел юноше обождать и вышел. Через три минуты вернулся и позвал молодого человека за собой. Они прошли по затемнённом коридору до боковой комнаты с витражными дверьми, куда Савов вошёл уже один. Он очутился в небольшом помещении с немного аляповатыми обоями и антикварной мебелью.

В нём располагались трое, насколько мог сориентироваться Гриша: хозяйка и два амбала – похоже, телохранители или, если угодно, стражи порядка. Они сидели за низким столиком, ели мороженое, пили кофе и коньяк. «Похоже, я “во-время”», – усмехнулся про себя наш герой. Женщина, а за ней две тени поднялись ему навстречу. Аделаида Марковна оказалась высокой эффектной рыжеволосой дамой лет тридцати пяти («Но возраст скрывает», – мелькнуло в голове посетителя), красивой, несколько раздурманенной то ли от тепла, то ли от выпитого коньяка, но с холодным расчётливым взглядом. Лишь где-то в глубине их томной голубизны таилось нечто, похожее на тоску. Всё это Гриша заметил мгновенно острым глазом художника, словно сразу нарисовал её портрет. Он слегка поклонился. Представился Григорием Савовым, художником, сказал, что недавно в этих краях, что желал бы продавать свои картины и просит помочь освоиться в Ялинске – ему рекомендовали обратиться к Аделаиде Марковне. Молодой человек старался говорить просто, но учтиво, понимая, что именно в этой примадонне сейчас для него заключено всё его финансовое спасение. Видимо, такое обращение пришлось ей по душе, хозяйка выразила живой интерес. То, что перед ней художник, и вовсе приветствовалось – видимо, такова оказалась её слабинка. Пейзажи незамедлительно явились на обозрение и заслужили одобрение.

– Ну что ж, давайте присядем, поговорим, выпьем за удач-

ное сотрудничество, – наконец предложила Аделаида и указала Грише на кресло. Еле заметным жестом она отослала амбалов, и они остались вдвоём. – Сколько же вы хотите получать за своё творчество?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.